

Лексемы и фраземы в уровневой структуре языка: количественное соотношение двух классов воспроизводимых единиц*

Дорогому Владимиру Ивановичу Ковалю –
к Юбилею.

Н.Б. МЕЧКОВСКАЯ

Исследуются зависимости между принадлежностью языковых единиц к отдельным уровням языка и количеством единиц, относящихся к тому или иному уровню, а также такими свойствами языковых единиц, как воспроизводимость и степень идиоматичности. Показано, что в направлении от морфем к высказываниям возрастает количество единиц (очередного уровня), а также степень свободы говорящих в конструировании речи. В противоположном направлении – от высказываний к морфемам – возрастают пропорции единиц воспроизводимых и идиоматичных. Телеология саморазвития языка отмеряет для разных уровней разные пропорции клишированных языковых средств – от практически 100-процентной воспроизводимости и идиоматичности лексем до максимальной свободы говорящих в высказываниях.

Ключевые слова: уровни языковой структуры, воспроизводимость, степени идиоматичности единиц языка, полная идиоматичность, образные идиомы, слабые идиомы, коллокации.

The article deals with the relationship between the linguistic units of different language levels and the number of units, as well as such properties as reproducibility and the degree of idiomaticity. It is shown that in the direction from morphemes to utterances, the number of units of the next level increases, as well as the degree of freedom of speakers in constructing speech. In the opposite direction – from utterances to morphemes – the proportion of reproducible and idiomatic units increases. The teleology of language self-development measures for different levels different proportions of clichéd linguistic means – from almost 100 % reproducibility and idiomaticity of lexemes to the maximum speakers' freedom in their utterances.

Keywords: levels of linguistic structure, reproducibility, degrees of idiomaticity of language units, complete idiomaticity, figurative idioms, weak idioms, collocations.

1. Уровневое строение языка: количественные аспекты. Взгляд на язык как на иерархию систем, каждая из которых имеет свою элементарную единицу (фонему, морфему, лексему и т. д.), формировался в Европе и США на исходе 1930-х гг. В Пражской лингвистической школе знаменательна в этом плане статья Богуслава Гавранека «Уровни языка» (1940), вошедшая в чешскую энциклопедию научных понятий [1, с. 228–229]. Однако широкое распространение идей об уровневом строении языка относится к более позднему времени – к середине XX в.

В лингвистических публикациях на русском языке, в том числе в переводах 1960-х гг., общепринятое обозначение понятия «уровень» появилось не сразу: писали о языковых «ярусах», «слоях», «стратах» (и «стратификационных моделях языка»), о «планах», «плоскостях». С другой стороны, термином *уровень* (англ. *level*, франц. *niveau*, нем. *plan*, *eben*) обозначали, кроме «уровня», еще и два аспекта языка в противопоставлении (по Соссюру) языка и речи: говорили об *уровне языка* в отличие от *уровня речи*; об уровне «генотипическом» в отличие от уровня «протокольного», или «фенотипического» [2, с. 487–488]. Однако в современной лингвистике этот терминологический разнобой преодолен.

О познавательной ценности уровневой концепции языка и ее адекватности предмету говорит тот не всеми замечаемый исторический факт, что представление об иерархии разрядов языковых единиц восходит к александрийским эллинистическим грамматикам. Так, у Дионисия Фракийца (II в. до н.э.) сказано, что **буквы**¹ складываются в **слоги**, слоги – в **сло-**

*В основу статьи положен пленарный доклад автора, прочитанный на Международной научной конференции «Славофраз-2021. Мир славян во фразеологической и паремиологической интерпретации», проходившей в Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины 29–30 ноября 2021 г.

¹Греч. *στοιχεῖα* 'первоэлементы', *ῥαττιὰ* 'буквы в аспект в аспекте их звукового достоинства; звуки речи'.

ва, слова – в **предложения**, «выражающие законченную мысль» [3, с. 106, 115, 117]. Однако у Дионисия в контексте подобных цепочек нет слов и понятий «уровень» и «иерархия», и до грамматик середины XX в. их и не будет, хотя именно подобные контексты о связи языковых единиц, повторяясь из века в век в практических грамматиках, вносили в умы представления об **уровневом** устройстве языка. Так, **спустя 16 веков**, в церковнославянской грамматике Мелетия Смирницкого (напечатанной в г. Евье близ Вильны, в 1619 г.), просто и точно воспроизводится александрийское уровневое понимание устройства языка.

В XX в. уровневое строение языка было открыто как бы заново. Уровневая концепция языка представляет собой крупнейшее после Ф. де Соссюра достижение, обладающее весомым познавательным потенциалом как в понимании строения языка, так и в системном представлении межуровневого взаимодействия и связующих звеньев между соседними «стратами» (в исследованиях по фонеморфологии и морфосинтаксису).

В таблице 1 уровни языка представлены по названиям единиц «своего» уровня; в правом столбце указано среднее (по языкам мира) количество единиц, составляющих отдельный уровень. Лексемы и фраземы выступают как два подуровня воспроизводимых средств номинативного назначения.

Таблица 1 – Уровневое строение языка

№	Название языковой единицы		Среднее количество единиц	
			Моделей – несколько десятков	Высказываний – бесконечно много
6	Синтаксическая модель высказываний		Моделей – несколько десятков	Высказываний – бесконечно много
5	Синтаксическая модель словосочетаний		Моделей – несколько десятков	Словосочетаний – бесконечно много
4а	Воспроизводимые средства номинации	Фразема	???	
4		Лексема	500 000	
3	Морфема		20 000	
2	Фонема		40	
1	Дифференциальный фонологический признак		12–20	

Легко видеть, что подсчет синтаксических единиц произведен иначе, чем подсчет единиц предшествующих уровней: указаны приблизительные количества моделей (единиц **языка**) и бесконечно большое количество единиц **речи**. Дело в том, что для говорящих единицы языка и единицы речи, относящиеся к разным языковым уровням, обладают разной психологической реальностью в аспекте их осознания, выделения и идентификации. В обычном общении говорящие, имея дело с их **речевыми** представителями фонем, морфем и лексем (т. е. имея дело с аллофонами, алломорфами, аллолексами), воспринимают их, однако, как единицы именно языка – фонемы, морфемы и лексемы (называя их, естественно по-школьному: *звуки речи, части слова и слова*). На синтаксических уровнях картина иная: говорящие непосредственно осознают единицы не языка (т. е. не **модели**, по которым построены высказывания и словосочетания), но единицы речи – **высказывания** и **словосочетания** (по-школьному, *предложения* и *словосочетания*).

2. О пропорции воспроизводимых единиц на разных уровнях языка. Разновекторная логика самоорганизации языка сказалась в том, что в нем имеются два больших класса средств, используемых в общении. Первый класс составляют средства воспроизводимые, существующие в языковом сознании как готовые к употреблению компоненты речи; при порождении высказывания они не создаются как новые комбинации компонентов, а воспроизводятся как прежде созданные комплексы, т. е. повторяются. В отличие от воспроизводимых единиц языка единицы второго класса не существуют в языковом сознании как готовые, но свободно (в соответствии с иллокуцией говорящего, логикой вещей и лексикограмматическим строем языка) создаются в процессе порождения речи.

Воспроизводимые компоненты речи имеются на всех уровнях языка, но в существенно разных пропорциях. Это показано в таблице 2.

Таблица 2 – Пропорции воспроизводимых и свободно создаваемых единиц на разных уровнях языка

Единицы	Пропорции единиц, которые в речи	
	воспроизводятся	свободно создаются
3 Высказывания	Коммуникативные клише. Примерно 300–400 паремий и речевых формул	Свободные высказывания. Их бесконечно много
2 Словосочетания	Фраземы. Количество фразем в этническом языке не определено	Свободные словосочетания. Их бесконечно много
1 Лексемы	Узуальные слова. 200–500 тыс.	Окказионализмы и потенциальные слова. Их бесконечно мало

2.1. Количество слов в языках колеблется в диапазоне от 10 тысяч (в бесписьменных идиомах) до 200–500 тысяч лексем в словарях языков с давней письменной традицией. Подавляющее большинство слов относится к воспроизводимым единицам. Микроскопическое исключение составляют «свободно создаваемые» слова. Это, во-первых, так называемые «потенциальные» слова (термин Г.О. Винокура), создаваемые для текущего момента речи по высоко продуктивным и регулярным словообразовательным моделям: *выступальщик* (как *чистильщик, нырлящик*), *мусоринка* (как *пылинка, снежинка*), *футболизация* (как *глобализация*) и т. п. Это слова «одноразового использования»; их легко создать и так же легко понять, но ни к чему помнить. Во-вторых, к «свободно создаваемым» словам относятся индивидуально-авторские неологизмы: *серпастый-молоткастый* (Маяковский), *лизык* (Вознесенский; контаминация *лизать* и *язык*), *хрущобы, зомби-ящик* и т. п. Некоторое время авторские неологизмы сохраняются в памяти части говорящих и повторяются в речи как слова-цитаты. Впрочем, авторство их далеко не всегда известно.

2.2. Воспроизводимые (клишированные) единицы на уровне высказываний – это речевые формулы этикета, широко известные паремии (*Доброе утро!*; *Яйца курицу не учат*; *Поживем – увидим*; *Старость – не радость*), ходячие фразы из книг, песен, кинофильмов, анекдотов, из СМИ, веб-сетей и т. п. О количестве воспроизводимых высказываний, разумеется, нельзя судить по объемам сборников пословиц и поговорок, словарей популярных цитат и афоризмов, крылатых слов и других подобных востребованных изданий. Трудно сказать, как эти коллекции соотносятся с языковой практикой – с составом тех паремий, афоризмов и разного рода клише, которые действительно общеизвестны и, главное, повторяются в живом общении современников. Ближе всех к ответу на этот вопрос подошел Г.Л. Пермяков в экспериментах 1970-х гг. по определению русского «паремиологического минимума» (его термин). Он предлагал 100 испытуемым (жителям Москвы и области) по предъявленной первой части пословицы дописать ее оставшуюся часть. Выяснилось, что из 540 паремий (также полученных в результате предварительного фильтрующего эксперимента), испытуемые смогли правильно закончить около 300 паремий. Так определился состав и объем активного паремиологического минимума носителей русского языка [4], [5]. В 1985 г. списки Г.Л. Пермякова были изданы как адресованный немецкому читателю словарь, содержащий 300 русских паремий [6] (см. также [7]).

Исследования «паремиологических минимумов» получили развитие в СПбГУ, в разработанном М.Ю. Котовой паремиологическом словаре 9 языков – 8 славянских и английского [8]. Проведенные исследования позволяют считать, что количество общеизвестных паремий, ходячих фраз, речевых формул составляет примерно 300–400 единиц.

2.3. Количество фразем в языке традиционно мыслится в разы меньшим, чем количество слов. Так, в «Глумачальным слоўніку беларускай мовы» (ТСБМ, 1977–1984, в 5 тт. (6 книгах)) содержится 97 935 лексем и 7120 фразем, т. е. сумме 105 055 номинативных единиц; из них фраземы составляют 6,7 %, т. е. лексем в 14 раз больше, чем фразем. В академическом словаре русского языка (МАС, 19981–1984 в 4 тт.) «более 90 тыс. слов», как указано в издательской аннотации на обороте титульного листа, но, к сожалению, в словаре нет данных о количестве фразем. Однако, поскольку ТСБМ и МАС в целом близки по своим объемам и подходам к лексикографическому представлению слов и фразем, можно допустить, что в МАСе имеет место примерно такое же соотношение лексем и фразем, как в ТСБМ.

2.4. Однако Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук в книге «Смысл и сочетаемость в словаре» (2007) высказали мнение о том, что фразем в языке больше, чем слов: «Люди говорят не словами, а фраземами [...]. Количественно фраземы превосходят слова в словарях примерно в соотношении 10 к 1» [9, с. 218]. Свою оценку авторы подкрепляют созвучным (отчасти) мнением Рэя Джекендофа (1992): «Готовых выражений (и идиом в том числе) в языке слишком много для того, чтобы считать их языковой периферией» [9, с. 219]. Понятно, однако, что оценка «слишком много» всё же не значит, что в словарях фразем в 10 раз больше, чем слов.

В доказательство своего предположения (что фразем в 10 раз больше, чем слов) авторы выписывают из английского лингвистического текста длиной в 25 строк всё, что считают фраземами; таких фактов оказывается 14 [9, с. 218]. Однако в этом списке 12 случаев – это соединения знаменательного слова и служебного (предлога, послелога или союза), между тем настоящая фразема – это соединение не менее двух знаменательных слов (или, как более точно писал Н.М. Шанский, наличие «не менее чем двух фонетических слов» [10, с. 36]). В списке авторов имеются также фразовые глаголы, у которых послелог серьезно меняет значение (*carry* – ‘нести, везти’, а *carry out* – ‘выполнять’), однако здесь идиоматичность сродни идиоматичности производного слова, поэтому *carry out* или *take up* – это не фраземы.

Каким образом Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук подсчитали, что фразем больше, чем слов, именно в 10 раз (а не в 5)? Приведя 14 выражений, трактуемых как фраземы, авторы далее пишут: «Фраземы попадают почти что через строчку и даже чаще! В газетном тексте их плотность еще выше. Но в особенности велико их количество в словарях: возьмите любой словарь, и на каждое слово вы найдете, как правило, массу выражений с этим словом. Количественно фраземы превосходят слова в словарях примерно в соотношении 10 к 1» [9, с. 218]. На следующих страницах книги авторы причисляют к фраземам не только фразовые глаголы, но и коллокации, т. е. **типичные** сочетания лексем, в силу типичности часто встречаемые в речи, однако их фразеологичность неочевидна и требует доказательств. Частая встречаемость некоторого сочетания слов в речи (напр., *хорошая погода, плохая погода, нормальная погода*; или: *станция метро, остановка автобуса, остановка трамвая, подземный переход* и т. п.) не делает подобные сочетания фраземами. Почему не делает? А что делает сочетание слов фраземой? Как отличить частую встречаемость одного словосочетания (типа *английская литература*) от воспроизводимости другого (*зарубежная литература*)? Толковые и тем более учебные словари в изобилии приводят коллокации, демонстрируя узуальную синтагматику заглавных лексем. Справочная и лингводидактическая ценность таких иллюстраций бесспорна. Однако вопрос об отношении коллокаций к фразеологии требует дифференцированного подхода.

3. Какие коллокации относить к фразеологии? Коллокации, на первый взгляд, не отличимы от «фразеологических выражений» – того разряда фразем, который увидел Н.М. Шанский и присоединил к трем разрядам фразем в классификации В.В. Виноградова. По Шанскому, фразеологические выражения – это словосочетания воспроизводимые, однако неидиоматичные [11], [10]². Отличие фразеологического выражения *партийный билет* от свободных словосочетаний (*партийный стаж, железнодорожный билет, билет в театр* и т. п.) Н.М. Шанский видел только в воспроизводимости фразем: «в процессе общения они не образуются говорящим, как последние (т. е. как свободные словосочетания. – Н.М.), а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением» [10, с. 84].

Однако в реальности оборот *партийный билет* является не только воспроизводимым, но и в силу многозначности слова *билет*, идиоматичным. Если толковый словарь (в частности, [12]) различает в слове *билет* 6 значений, то это значит, что каждое из узуальных и при этом необразных словосочетаний со словом *билет* (*партийный билет, трамвайный б., проездной б., входной б., лотерейный б., театральный б., студенческий б., экзаменационный б., пригласительный б.*) является отчасти идиоматичным, поскольку носитель языка, который при восприятии речи слышит одно из таких словосочетаний, должен решить, в каком из зна-

²Не касаюсь того, что к фразеологическим выражениям причислялись также *паремии* и *предложенческие цитаты*; такое понимание фразеологии, сложившееся на рубеже XIX–XX в., после основополагающих работ В.В. Виноградова 1940-х гг. было принято в советском языкознании еще в 1960-х гг.

чений в данном случае употреблено слово *билет*, и, таким образом, преодолеть частичную немотивированность данного словоупотребления, т. е. адекватно понять идиоматическое соединение слов. Характерно, что некоторые из приведенных словосочетаний (*проездной б.* ‘такой документ многоразового пользования для проезда в транспорте’, *входной б.*, *лотерейный б.*, *пригласительный б.*) в академическом словаре сопровождаются пояснениями, иначе говоря, лексикографы видят в них идиомы, нуждающиеся в объяснении.

В отличие от фразеологических единств (образных идиом, вроде *тянуть за язык* или *ветер в голове*) идиоматичность фразеологических выражений можно назвать «слабой» или «несильной». Если образные идиомы возникают на основе метафор, то идиоматичность фразеологических выражений развивается в результате метонимических или функциональных переносов названий.

Таким образом, фразеологические выражения отличаются от коллокаций наличием идиоматичности, хотя и слабой («почти нулевой» и необразной, неметафорической). В 1990-х гг. о таких оборотах писал И.А. Мельчук, относя их к фразеологии и называя «полуфраземами», «полуидиомами», «квазиидиомами», но также и «коллокациями» [13], [14]. В английских общих словарях лексема *collocation* понимается как обычное сочетание слов, однако в качестве примеров коллокаций приводятся не вполне мотивированные сочетания, причем в словаре А. Hornbrey [15] эта странность демонстрируется, но не объясняется: «*Weak tea* is acceptable, but *feeble* does not [«Прилагательное *weak* ‘слабый’ по отношению к слову *tea* (‘чай’) приемлемо, а *feeble* (‘слабый, немощный’) – не приемлемо]». «*Strong tea* (‘крепкий чай’) and *heavy drinker* (‘сильно пьющий человек’) – это английские коллокации».

Аналогично в словаре Макмиллан [16]: лексема *collocation* определяется как «a collocate, or a particular combination of collocates» (т. е. ‘словосочетание или определенная комбинация словосочетаний’), но в примерах представлены прилагательные, выступающие в своих непрямых значениях: *heavy rain* (‘проливной дождь’, буквально ‘тяжелый дождь’) и *bitterly disappointed* (‘большое/тяжелое разочарование’, буквально ‘горькое разочарование’). Отражая эту двойственность английского узуса в отношении коллокаций, «Большой англо-русский словарь» [17] переводит лексему *collocation* как ‘сочетание слов’, но для синтагмы *dictionary of collocations* словарь дает два перевода: 1) словарь сочетаемости; 2) словарь фразеологических сочетаний. Характерно также представление «коллокаций» в «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» [18, с. 63] в качестве и «проявления полисемии в сочетаемости» (например, *мальчик прыгает* и *мысли прыгают*) и в качестве «фразеологизма».

Сложность вопроса в том, что в семантике некоторых коллокаций по мере возрастания их употребительности появляются и/или усиливаются черты идиоматичности. Судя по тому, что БТСРЯ всё же объясняет такие словосочетания, как *уголовное право*, *уголовный преступник*, *уголовный суд*, *уголовное отделение*, *уголовный розыск*, *уголовная тюрьма*, *уголовная литература*, всё это не свободные соединения слов: они не только воспроизводятся, но и характеризуются той степенью семантической слитности, которая делает их фраземами, хотя и не образными. Терминологичность (т. е. принадлежность оборотов профессиональному словарю, при том, что многие из них известны в общем употреблении) не отменяет их идиоматичности; напротив, специальная семантика одной или обеих лексем в таких словосочетаниях способствует фразеологизации оборота в общем языке.

Дополнительным подтверждением фразеологичности конкретных коллокаций служит наличие у таких словосочетаний однословного разговорного или разговорно-просторечного синонима, образованного путем универбализации словосочетания с опорой на один из компонентов (*заправка*, *зарубежка*, *зачетка*, *мобильник*, *обменник*, *попутка*, *продленка*, *уголовка* и т. п.). При этом многозначность (или омонимия) словосочетаний отчасти сохраняется и в семантике универбов. Так, слово *уголовка* известно в значениях ‘отделение уголовного розыска’, ‘уголовный розыск’, ‘уголовное преступление’ [12], а в сленге еще и ‘учебный предмет, курс уголовного права, кафедра уголовного права’.

4. О количестве фразем с разной степенью идиоматичности. Для фразеологических исследований, начиная от работ Ш. Балли, всегда было характерно понимание идиоматичности фразем как признака, который присутствует в разных фраземах в разной степени, т. е.

является градуальным. С учетом степени «семантической слитности» компонентов построены классификации фразем В.В. Виноградова [19] и Н.М. Шанского [5], [11], наиболее органичные для фразеологии. Позднейшие фразеологические исследования, в том числе с опорой на операциональные определения и экспериментальные методы, подтвердили релевантность фразеологических разрядов В.В. Виноградова и Н.М. Шанского (хотя сама номенклатура разрядов используется не всегда).

Четыре разряда фразем, выделенные Виноградовым и Шанским, образуют следующую нисходящую градацию по степени идиоматичности: 1) фразеологические сращения: полные идиомы (= нулевая мотивированность): *точить ляды* 'пустословить', *собаку съел (в чем)* 'знаток, мастер (в чем)', а также обороты с некротизмами: *ничтоже сумняшеся*, *притча во языцех*; 2) фразеологические сочетания (*високосный год*, *сослагательное наклонение*, *закадычный друг*): частичная идиоматичность, создаваемая денотативной и синтагматической недостаточностью одного из компонентов), при этом идиоматичность фразеологических сочетаний более сильная, чем идиоматичность фразеологических выражений), и, в отличие от идиоматичности фразеологических единств, является необразной; 3) для фразеологических единств характерна частичная идиоматичность, также значительная (сильная), но образная: *держат камень за пазухой*, *язык без костей*, *язык на плече* и т. п.; 4) у фразеологических выражений идиоматичность незначительная (слабая, близкая к нулевой): *литературный язык*, *уголовное право*, *пригласительный билет*.

Чтобы судить о том, существует ли связь между степенью идиоматичности фразем в рассмотренных разрядах и количеством фразем в каждом разряде, представим необходимые данные в таблице 3.

Таблица 3 – Корреляции между степенью идиоматичности фразем в рассмотренных разрядах и количеством фразем в каждом разряде

Классы фразеологических оборотов	Градация классов фразем по степени идиоматичности	Количественные характеристики классов фразем
1 Сращения (<i>в этом он</i>) <i>собаку съел</i>	++	а ('очень мало')
2 Единства (<i>вылететь в трубу</i>)	+	1000 а
3 Сочетания (<i>високосный год</i>)	(+)	а ('очень мало')
4 Выражения (<i>учебный год</i>)	(-)	Необозримое множество

В столбце «Градация классов фразем по степени идиоматичности» полная идиоматичность маркирована двумя знаками «плюс», неполная – одним знаком «плюс», причем в 3-й строке «плюс» заключен в скобки для указания на ограничения в проявлении данного признака у фразеологических сочетаний. В 4-й строке в скобки заключен знак «минус», чтобы отметить не-нулевую (т. е. слабую) идиоматичность фразеологических выражений. В крайнем правом столбце представлены некоторые данные об относительном количестве фразем в каждом разряде. Сращений (т. е. полностью немотивированных фразем) в языках очень мало (что связано именно с немотивированностью подобных оборотов: языковому сознанию говорящих легче, привычнее оперировать знаками, в той или иной мере мотивированными; знаки, утратившие мотивированность, – в разных языках это «уходящая натура»); данная величина обозначена знаком **а**. Почти столь же мало в конкретных языках фразеологических сочетаний; это объясняется тем, что в их составе имеется «неживой» компонент, который не используется в языке вне данного оборота, и поэтому его значение неясно и неизвестно, как его употреблять. Как и сращения, фразеологические сочетания – это «уходящая натура».

Что касается образных идиом (фразеологических единств), то их примерно в 1000 раз больше, чем сращений, и примерно в 1000 раз больше, чем фразеологических сочетаний, однако в абсолютных цифрах их не так уж много: «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова (1967) содержит примерно 4000 таких единиц; в близком по объему «Фразеалагічным слоўніку беларускай мовы» И.Я. Лепешева (1993) – около 6000 образных идиом.

Несмотря на то, что образных идиом сравнительно немного, это самый заметный и приоритетный разряд фразем, краса и гордость языка. Их любят и читатели, и издатели, и исследо-

ватели. В них нередко видят всю фразеологию. Есть словари, которые принципиально включают только образные идиомы, хотя и называются более широко – **фразеологические**. Образные фраземы первыми попали в поле зрения этнографов и фольклористов и надолго определили взгляд на фраземы как на средства экспрессивной перифрастической номинации, вторичной по отношению к основным и нейтральным обозначениям. В речи они живут как яркие краски на фоне необразных и обычно менее экспрессивных однословных обозначений, которые, однако, воспринимаются говорящими как основные. В.И. Даль в предисловии к сборнику «Пословицы русского народа» (1861–1862), говоря о таких образных оборотах, как *у него не все дома, одного поля ягода, один как верста в поле, чужими руками жар загребает*, подчеркивал их вторичность по отношению к словам: это «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк» [20, с. XX]. Их употребляют ради «красного словца».

Между тем основная масса фразем – это слабо идиоматические обороты, однако воспроизводимые – тот класс фразем, которые Н.М. Шанский назвал фразеологическими выражениями. Они действительно трудно отличимы от коллокаций. Фразеологические выражения – это не добавочные перифразы «для красного словца», но основные и часто единственные обозначения вполне определенных денотатов. Особенно много таких оборотов в системах научно-технических обозначений, поскольку в терминологиях новые обозначения чаще всего создаются путем синтаксической деривации, а не морфемной (как в обиходном словаре), что соответствует резкому преобладанию в терминологических подсистемах родовых отношений между терминами над всеми остальными логическими связями.

Однако фразеологические выражения – это не только специальные, терминологические обозначения. Огромное количество таких оборотов – это общепринятые номинации всем известным вещам, часть общенародного словаря. Ср. группу таких оборотов, относящихся к школьной жизни: *учебный год, остаться на второй год, годовая оценка, оценка за четверть, четвертная оценка, классный журнал, классная работа, внеклассная работа, внеклассное чтение, домашняя работа, домашнее задание, самостоятельная работа, контрольная работа, работа над ошибками, группа продленного дня* и мн. др. Еще пример: многочисленность слабо идиоматических и при этом воспроизводимых оборотов из области права и юриспруденции (которые так резко отличаются от «настоящих» (образных) идиом из той же сферы жизни, типа *на птичьих правах* или относительно недавно отмеченных В.М. Мокиенко *качать права, телефонное право* [21]): *римское право, обычное п., древнерусское п., отрасли права, гражданское п., уголовное п., административное п., международное п., избирательное п., частное п., публичное п., трудовое п., дать (получить) права, вступить в (свои) права, право гражданства, на равных правах, крепостное право, феодальное п., нормы права, право наций на самоопределение, политические права, ссылка без права переписки, право собственности, авторское п., право наследования, право голоса, права личности, лишение родительских прав, право на убежище, право на жилище, право оперативного управления, водительские права, права первого класса, отобрать права за нарушение правил дорожного движения, сдать на права, право на внеочередное обслуживание, получить право преподавать* и т. п.

Кластеры слабоидиоматических оборотов могут быть объединены не только тематически, но и некоторой общей лексемой, значение которой в этих оборотах в той или иной мере варьируется, как например, в группе фразеологических выражений и/или коллокаций с лексемой *год*: *календарный год, академический г., учебный г., сельскохозяйственный г., финансовый г., хозяйственный г., олимпийский г., (не)урожайный г., григорианский г., тропический г.* (астрон.: ‘период между двумя прохождениями Солнца через точку весеннего равноденствия’), *звездный год* (астрон.: ‘промежуток времени, в течение которого Солнце совершает свой видимый путь по небесной сфере относительно звезд’ [22, I: 600]), *круглый год* (‘в течение всего этого промежутка времени’), *Вы какого года?* (‘когда родились’), *времена года* (зима, весна, лето, осень), *Новый год* (наступающий, следующий, а также день 1 января), *из года в год* (‘постоянно, ежегодно, несколько лет подряд’), *год от года (году)* (с каждым новым таким промежутком времени), *год за годом* (‘постепенно’), *год на год не приходится* (‘одно время не похоже на другое’), *молодые годы, преклонные годы, не по годам (одет, резвится)* и т. п. ‘не по возрасту’) и др.

Как можно судить по приведенным примерам, в составе номинативных средств языка существует огромное количество воспроизводимых оборотов с малой или нулевой идиоматичностью. Вполне вероятно, что их число не меньше, а, скорее всего, больше количества лексем. Однако во сколько раз больше? В 10 ли раз, как уверенно писали Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук в 2006 г., пока неизвестно.

6. О телеологии в строении языка: межуровневые различия в пропорциях воспроизводимых и идиоматичных единиц языка и речи. В начале статьи говорилось о познавательной ценности уровневой концепции языка. Представления о той роли в коммуникации (т. е. в порождении высказываний), которую выполняют единицы разных языковых уровней, позволяет увидеть коммуникационную логику в межуровневых различиях, во-первых, по количеству единиц, относимых к тому или иному уровню и, во-вторых, по степени свободы говорящих в оперировании единицами разных уровней.

Уровневая структура языка по количеству единиц, относящихся к определенному уровню, – это «расширяющаяся вселенная». Расширение идет вверх от уровня ДП фонем: фонем больше, чем дифпризнаков, морфем больше, фонем, и т. д. (см. таблицу 1). В этом же направлении (от слов к высказываниям) растет и степень свободы говорящих в конструировании своей речи.

В противоположном направлении – от уровня высказываний к морфемам (о свободе в выборе фонем говорить не приходится) – идет усиление противоположных свойств уровневых подсистем: от уровня к уровню возрастает удельный вес единиц воспроизводимых и семантически слитных (т. е. идиоматичных). Каждое из этих свойств – воспроизводимость и идиоматичность – внутренне амбивалентно. С одной стороны, они придают языковым единицам стабильность, материальную компактность, предсказуемую эмфатичность (образных фразем и паремий) и иллюкутивную определенность (паремий и речевых формул). Но, с другой стороны, как всякие клише, они ограничивают мыслительные и коммуникативные горизонты говорящих, оставляя им свободу в выборе «подходящего» из наличных средств, но не в создании новых возможностей. Однако «гений языка» (или телеология его саморазвития на протяжении многих тысячелетий, большинство из которых относится к дописьменной истории) отмеряет для разных уровней разные пропорции клишированных языковых средств – от практически 100-процентной воспроизводимости и идиоматичности слов до максимальной свободы говорящих в порождаемых высказываниях (которые бывают образными (*Не всё ко-ту масленица*), но не бывают полностью идиоматичными).

Что касается количественного соотношения слов и фразем, то для его адекватной оценки, по-видимому, не избежать двойственного подхода: видеть, с одной стороны, относительно немногочисленный подкорпус образных и полных (необразных) идиом (это примерно 5–6 тыс. прагматически маркированных единиц), а с другой стороны, – минимально идиоматичные фразеологические выражения и близкие к ним коллокации, которые, при высокой употребительности, быстро идиоматизируются; их общее количество, с учетом отраслевых терминологий и номенклатур, по-видимому, превышает количество лексем.

Литература

1. Вахек, Й. Лингвистический словарь Пражской школы [1960] / Й. Вахек ; под ред. и с предисл. А. А. Реформатского. – М. : Прогресс, 1964. – 350 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
3. Античные теории языка и стиля / Под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – М.–Л. : Соцэкгиз, 1936. – 344 с.
4. Пермяков, Г. Л. К вопросу о русском паремиологическом минимуме / Г. Л. Пермяков // Словари и лингвострановедение. – М. : Русский язык, 1983. – С. 131–137.
5. Пермяков, Г. Л. О паремиологическом уровне языка и русском паремиологическом минимуме / Г. Л. Пермяков // Паремиологические исследования : сб. ст. – М. : Наука, 1984. – С. 262–268.
6. Permjakov, G. L. 300 allgemeingebrauchliche russische Sprichwörter und Sprichwörtliche Redensarten. Ein illustriertes Nachschlagewerk für Deutschsprechende / G. L. Permjakov. – М. : Russkij jazyk – Leipzig : VEB Verlag Enzyklopaedie, 1985. – 160 s.

7. Крикман, А. Паремииологические эксперименты Г.Л. Пермякова / А. Крикман. – Таллин : Академия наук Эстонской ССР. Отделение общественных наук, 1986. – 60 с. – (Препринт / Академия наук ЭССР ; КК I-40).
8. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова ; под ред. проф. П. А. Дмитриева. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. – 360 с.
9. Иорданская, Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. – М. : ЯСК, 2007. – 672 с.
10. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Изд. 2-ое. – М. : Высш. школа, 1969. – 232 с.
11. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1964. – 316 с.
12. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2001. – 1536 с.
13. Mel'čuk, I. Collocations and Lexical Functions / I. Mel'čuk // *Phraseology. Theory, Analysis and Applications* ; A. P. Cowie (Ed.). – Oxford : Clarendon Press, 1998. – P. 23–53.
14. Mel'čuk, I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics/ I. Mel'čuk // *Idioms : Structural and Psychological Perspectives* ; M. Everaert [et al.] (eds.). – Hillsdale (NJ) : Hove, 1995. – P. 167–232.
15. Hornby, A. S. With the assistance of Christina Ruse. *Oxford Student's Dictionary of Current English* / A. S. Hornby. – Moscow-Oxford, 1984. – XII, 769 p.
16. *Macmillan English Dictionary* [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.macmillandictionary.com>. – Access date : 22.12.2021.
17. Апресян, Ю. Д. Новый большой англо-русский словарь. Около 250000 : в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова [и др.]. – М. : Русский язык, 1993–1994.
18. Баранов, А. Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике : около 9000 терминов / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Азбуковник, 2001. – 640 с.
19. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.
20. Даль, В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. / В. И. Даль. – М. : Гос. изд. худ. литературы, 1957. – XXVIII, 992 с.
21. Мокиенко, В. М. Новая русская фразеология : словарь / В. М. Мокиенко. – Орле, 2003. – 168 с.
22. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз. – Т. 1 : А–Й. – 1981. – 698 с. ; Т. 2 : К–О. – 1982. – 736 с. ; Т. 3 : П–Р. – 1984. – 752 с. ; Т. 4 : С–Я. – 1984. – 794 с.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 27.09.2021